

Геннадий Прашкевич

КОСТРЫ
МИРОВ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445
П 70

Оформление обложки Татьяны Павловой

Составитель Александр Етоев

ISBN 978-5-389-26865-4

© Г. М. Прашкевич, текст, 2024
© А. В. Етоев, состав, 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

КОСТРЫ МИРОВ

КОСТРЫ МИРОВ

1

Хенк был счастлив.

Под его ногами лежала настоящая земля.

В его лицо упруго давила волна настоящего воздуха.

Кисловатый запах металла, запах кислых почв, горячего песка жестко и сладко щекотали ноздри. Земля все еще отдалена миллиардами световых лет? Не важно! Теперь не важно. Теперь он среди людей. Пусть их немного, пусть все они, как он, Хенк, заброшены на далекую планетку лишь необходимыми для человечества делами, пусть Симма столь же мало похожа на Землю, как Крайний сектор на Внутреннюю зону, он, Хенк, все равно среди людей. Его так и подмывало поднять голову и взглянуть на Стену. Но голову он не поднял. Спирали металлических зарослей под ногами счастливо поскрипывали, их ржавые стебли искрились, как щетки электрогенератора. Хенк мысленно прикинул, какое напряжение могут вырабатывать эти металлические заросли там, где их корни уходят в глубину почв Симмы не меньше чем на мило, и присвистнул. Он привык к удивительным вещам, но еще не отвык удивляться.

— Надень шляпу и топай в бар, — сказала Шу.

— Надо говорить — нахлобучь шляпу! — засмеялся Хенк.

Со своим сверхмощным бортовым компьютером он всегда обращался как с обыкновенным человеком.

— Я никогда не видела шляп, — заметила Шу без всякой обиды. — Я всего лишь представляю их геометрию. Видимо, этого мало.

— Ничего. Скоро я покажу тебе настоящую шляпу.

Этот разговор состоялся час назад. За шестьдесят минут Хенк успел законсервировать «Лайман альфу», прошел через Преобразователь и сдал хмурому диспетчеру все нужные данные для расчета будущего курса к Земле.

Диспетчер не скрыл недоумения:

— Ты из зоны протозид?

Прозвучало как «мы не ожидали гостей».

Взглянув на Хенка, диспетчер все же решил уточнить:

— Оберон?

— Человек! — возразил Хенк. — Разве не видно? Разве не вы вели на посадку «Лайман альфу»?

— Это делают у нас автоматы. — Диспетчер, похоже, не поверил Хенку.

— А Преобразователь? — счастливо рассмеялся Хенк. — Разве я изменился, пройдя через горнило Преобразователя?

— Нетипичная зона. Иногда здесь мудрит даже Преобразователь.

Диспетчер хмуро ткнул кулаком в необозримую стену Центра управления, украшенную множеством экранов.

— Чаще всего мы имеем дело с квазилюдьми.

— И все же не всегда, — возразил Хенк.

Конечно, он имел в виду себя: человека.

— А есть и такие, — не слушал его диспетчер, — что сразу начинают себя вести как люди...

Хенк рассмеялся:

— Я как раз из таких.

Диспетчер не улыбнулся.

Он привык держаться официально, положение обязывает.

Весь вид диспетчера говорил: «Я занят, я при настоящем деле, я из тех людей, которые помнят саму Землю, а вот кто ты — это нам пока неизвестно. Может, и вправду — человек, тогда я найду возможность извиниться, ну а если ты все-таки оберон, извинения не имеют значения».

«Что ж, — сказал себе Хенк. — Трудно было ожидать чего-то другого. Нетипичная зона — это Нетипичная зона. У диспетчера действительно нет никаких оснований доверять моим словам. Никто на Симме не ждал земного корабля, тем более из зоны протозид, закрытой для всех представителей Межзвездного сообщества».

И решил: «Ладно, пусть считает меня обероном».

Трое земных суток — это не так уж много: всего трое суток.

Он усмехнулся: термину «оберон» много больше. Термин «оберон» вошел в обиход задолго до первого выхода Хенка в космос, где-то в год пуска сразу семи Конечных станций Вселенной, оборудованных Преобразователями. Принцип Преобразователя был, кажется, не до конца ясен даже самим предложившим его цветоч-

никам (ходили слухи, что Преобразователь — всего лишь случайное заимствование цветочников у некоей загадочной крайней расы), но ни одна из цивилизаций, входящих в Межзвездное сообщество, не отказалась от такого подарка. В объемистую горловину Преобразователя могло войти любое разумное существо (из любого сектора космоса), но на выходе вы всегда получали человека, точнее, квазичеловека, еще точнее, оберона, обладающего довольно приличным словарным запасом и навыками смысловых схем, достаточных для деловых объяснений. Это сразу и навсегда избавило Конечные станции типа Симмы (Хаббл, Фридман, Оорт, Ньютон, Бете, Ридан) от массы хлопот; запасы продовольствия, газов, воды, биологически активных веществ теперь свелись к стандартным, к тому же контакт с представителями самых отчужденных звездных рас предельно упростился.

Что же касается самого термина «оберон», к нему скоро привыкли.

Планету под Конечную станцию предоставили тоже цветочки.

Удобное местечко. И радиус планеты вполне соответствовал ее названию.

Симма — малый маяк. Симма — маяк на краю света. Кстати, *на краю света* — это вовсе не метафора. Обращенная Северным полюсом к Вселенной, Южным своим полюсом крошечная планетка всегда смотрела на Стену. На совершенно невероятную темную бездну Стены. Единственное, что дарило свет Симме, — квазар Шансон, чудовищный сгусток перевозбужденной магнитоплазмы, непрерывно преобразующий гравитационную энергию в свет, в радио- и ультрафиолетовое излучение, в яростное вращение и турбулентность. Мощно пульсируя, выкинув над собой гигантский голубой выброс, квазар Шансон одиноко и яростно пылал на фоне полного мрака.

Это был истинный мрак. Это была истинная тьма.

За квазаром Шансон уже ничего не было.

Вообще ничего материального.

Тьма.

Стена тьмы.

Хенк так и говорил себе — Стена.

Понятно, никакой стены там не существовало. Просто с одной стороны постоянно мерцали, сливаясь в тусклые светящиеся шлейфы, мириады далеких звезд и галактик, а с другой — не было *ничего*.

Мрак.

Пустота.

Абсолют мрака и пустоты.

Но этот мрак, эта пустота воспринимались Хенком именно как Стена, и (несмотря на бессмысленность такого представления) ничего с этим Хенк не мог поделать.

Стена? Ну и пусть Стена. Почему нет?

Хенк счастливо топал по космодрому, не поднимая глаз к небу.

Впрочем, если бы он их и поднял, никакой особенной тьмы над собой он все равно не смог бы увидеть. Конечная станция располагалась на Северном полюсе Симмы. «Трое суток, — повторил про себя Хенк. — Всего трое земных суток, и я получу карту курса и отправлюсь домой! На Землю! Стеной пусть любятся обсероны».

Слабые электрические разряды легко покалывали ноги Хенка.

Разумеется, ему так лишь казалось. И кстати, ничуть не раздражало.

Он ступал пусть по металлическим, но все же зарослям, он ощущал пусть чужие, но запахи. Сам воздух, поступающий не из каких-то ограниченных резервуаров, а просто извне, радовал и веселил Хенка. Он радовался: он среди людей. Он радовался: он наконец покажет Шу настоящую шляпу. Свой универсальный бортовой компьютер Хенк всегда называл этим древним женским именем — Шу. Слов нет, тахионные корабли сделали достижимыми любые, даже самые отдаленные точки Вселенной, но без компьютера типа Шу это оказалось бы попросту невозможно. Он, Хенк, дошел до Нетипичной зоны, он, Хенк, видел Стену — благодаря Шу. Он, Хенк, плавал в энергетических безднах квазара, был огненным шаром, разумным огненным шаром — благодаря Шу. Он, Хенк, дрейфовал в звездных течениях Нетипичной зоны, принимал формы, невозможные в любом другом случае, — опять же благодаря Шу. Так что, если он, Хенк, у первого встречного на Симме попросит шляпу для Шу, его поймут. Впрочем, и недоумение, и даже усмешку предполагаемого первого встречного он, Хенк, снесет без усилий.

Ради Шу!

Хенк был счастлив.

Шу его ждет, «Лайман альфа» всегда готова к вылету, необходимые данные отправлены диспетчером в Расчетчик Преобразователя. Всего лишь через трое земных суток он, Хенк, получит разрешение на выход из Нетипичной зоны, а значит, явится на Землю

как раз к началу очередного редакционного Совета Всеобщей энциклопедии (том «Протозиды»). Не важно, что по часам Симмы этот Совет завершил свою работу несколько столетий назад, — курс «Лайман альфы» будет вычислен по такой кривой пространства-времени, которая приведет Хенка в точно назначенный день и час, ни минутой раньше, ни минутой позже. Самая грубая ошибка никогда еще не превышала десятых долей секунды. Для сотрудников Всеобщей энциклопедии все будет выглядеть так, будто он, Хенк, отсутствовал каких-то два с половиной месяца, что в пересчетах Межзвездного сообщества вполне эквивалентно израсходованной им энергии, и вот вернулся с необходимыми дополнениями к одному из самых сложных томов Всеобщей энциклопедии: «Протозиды». Основная статья этого тома принадлежала пока ему же — обширные компиляции, составленные по древним мифам и наблюдениям цветочников, арианцев, океана Бюрге и тех немногих звездных рас, что когда-либо соприкасались с протозидами.

Увлекательные, обширные, но... компиляции.

Были ли они верны, соответствовали ли действительности?

Можно ли вообще, изучая некую отчужденную расу, опираться только на мифологию и наблюдения рас, никогда не относившихся к протозидам с симпатией? То, что протозиды никогда не заглядывали во Внутреннюю зону Вселенной, то, что они упорно не хотели замечать своих звездных соседей, все это, по мнению Хенка, еще не давало оснований прямо относить протозид к тем цивилизациям, что в принципе не способны к контакту. Цивилизация — понятие вообще довольно туманное, его не так-то легко сформулировать и истолковать, тем более что пути развития звездных рас мало где были схожими, к тому же истолкователи таких понятий, как «цивилизация», как правило, сами живут внутри вполне определенных цивилизаций, что, в свою очередь, не может не вносить в их суждения ту или иную долю предвзятости.

Туп, как протозид.

Темен, как протозид.

Жесток, как протозид.

Он, Хенк, никогда не соглашался с подобными формулировками, хотя мифы цветочников, арианцев, океана Бюрге были под завязку набиты именно такими формулировками.

Да, протозиды.

Они же — первичники.

Они же — истребители звезд.

Время от времени, собираясь в гигантские скопления (а масса каждого отдельного протозоида намного превосходит массу таких планет, как Сатурн или Юпитер), протозиды пытаются уйти из Нетипичной зоны к какой-либо одинокой звезде. При этом им все равно, обитаемы ли миры, в пределы которых они так неожиданно вторгались. Мифология арианцев, цветочников, океана Бюрге сохранила память о пяти подобных, никем и никак не объясненных вторжениях, после которых и цветочникам, и арианцам слишком многое приходилось начинать сначала. Сжигая себя в звезде, доводя ее до мгновенного чудовищного взрыва, протозиды гибли, а вместе с ними в океане раскаленной плазмы, заливающей Крайний сектор, гибли другие солнца, планеты, спутники, населенные космические станции, радиобуи и, разумеется, разумные существа. Являлось ли все это осмысленными, хорошо рассчитанными ударами необъявленной, но настоящей войны с соседями? Никто этого не знал, ибо протозиды ни с кем не шли на контакт. Редкие, но упрямые попытки землян (арианцы, цветочники, океан Бюрге давно отказались от таких попыток) установить связь с протозоидами пока что не дали никаких заметных результатов, вот почему члены Межзвездного сообщества смотрели сквозь пальцы на совершаемые время от времени вылазки объединенных флотов цветочников и арианцев в Нетипичную зону. Ходили слухи, что цветочники и арианцы занимаются *рассеиванием* замеченных ими скоплений...

Рассеиванием?

Что ж, они защищались.

Тот тезис, что пока у цивилизаций есть антиподы — конфликт неизбежен, Хенку всегда не нравился.

Но сейчас Хенк был счастлив.

Он добыл кое-что действительно новое.

Его наблюдения и исследования, проведенные в Нетипичной зоне, несомненно, привнесут нечто новое в единое знание Межзвездного сообщества.

Они с Шу неплохо поработали.

Хенк машинально провел ладонью по обезображенному шрамом лбу, будто снимая с него невидимую паутину. Широкий некрасивый шрам, вертикально опускающийся к переносице, был привычен для него, как морщина. Еще один шрам, только шире, страшнее, прятался под рубашкой — зазубренным треугольником он спускался от шеи под левую лопатку и чуть ниже. От этого левое плечо Хенка всегда казалось немного опущенным. Впрочем,

сам он этого не замечал. Да и занимала его сейчас вполне конкретная мысль. Он думал: найдется ли на планете Симма самая обыкновенная широкополая шляпа?

Радуясь сам, он хотел обрадовать Шу.

2

Хенк был счастлив.

Трое суток — это не просто карантин.

Трое суток — это прекрасная возможность вернуть себе хоть какие-то навыки землянина. Не так-то просто после долгого одиночества дружески похлопать по плечу первого встречного, а Хенку этого очень хотелось. Впрочем, то, что за стойкой бара стоял длинный жилистый усач с объемистым миксером в руках, а перед ним на высоком табурете откровенно скучал плечистый субъект в желтой майке звездного перегонщика, вовсе не означало, что Хенк видел перед собой настоящих людей.

Обороны. Скорее всего, обороны. Хотя в штате Конечной станции непременно должны находиться и типичные земляне. Межзвездное сообщество строго следило за соблюдением определенных пропорций. Так что, если ты ненароком похлопал по плечу плечистого субъекта в желтой майке звездного перегонщика, это не означало стопроцентно, что ты похлопал по плечу человека — а не китообразное, скажем, существо с Тау или разумное облачко с Пентаксы.

Хенк бросил на стойку плоскую коробку с кристаллами памяти («Физика Нетипичной зоны», «Теория протозид» и прочее) и не без некоторой опаски воззрился на высокий табурет: он не был уверен, что после столь долгого отсутствия не совершит какой-нибудь неловкости.

Эта мысль тут же получила подтверждение.

На мгновение Хенку захотелось зависнуть над табуретом, как он любил это делать, беседуя с Шу, но он вовремя спохватился и взгромоздился на табурет так, как, по его понятиям, и следовало это сделать землянину, — без особой ловкости, но с достоинством. Усатый бармен и плечистый человек в желтой майке звездного перегонщика обернулись к Хенку одновременно. Будь Хенк пылевым облаком, распростершимся на полнеба, ему не составило бы труда держать в поле обзора сразу обоих, но сейчас он был всего лишь человеком. Поэтому он просто дважды кивнул.

— Титучай?

Терпкий тонизирующий напиток всегда был к месту, но, спрашивая, усатый бармен не улыбнулся — возможно, сам подозревал в Хенке оберона или, скажем так, не был общителен.

Хенк усмехнулся.

Такие парни, как этот бармен, ему всегда нравились.

Дело не в хмурости. Спроси у такого, где можно найти шляпу, он несколько не удивится и не пойдет трепать по всей Симме о каком-то чокнутом со звезд, разыскивающим не принадлежащую ему шляпу.

Взяв это на заметку, Хенк повернулся к звездному перегонщику.

Впрочем, перегонщик выглядел ничуть не приветливее бармена. Презрительно выпятив широкие, плоские, прямо щучьи губы, он странно щурился, будто испытывал к Хенку не столько интерес, сколько неясное подозрение.

— Титучай! Титучай! — Хенк радовался. — Три титучая. Я угощаю.

И предложил:

— За возвращение!

— А счет? — недоброжелательно поинтересовался бармен.

Хенк назвал бортовой номер своего корабля, автоматически являющийся номером его счета. Хенк гордился этим номером. «Лайман альфа» — резонансная линия водорода с длиной волны 0,12 микрона. Надежный счет. Тем более что на Симме счет имел вовсе не символическое значение. В сущности, Конечная станция принадлежала цветочникам, и все расходы Хенка оплачивала Земля, причем оплачивала чистой информацией. Могло, кстати, оказаться так, что чашка титучая, выпитая Хенком, оплачивалась именно его, Хенка, статьей. Скажем, о тех же протозидях.

— С возвращением. — Бармен без особого энтузиазма поднял чашку.

— Возьми посудину пообъемистей, — радушно посоветовал Хенк. — Непохоже, что вы тут, на Симме, часто пьете за возвращение.

Бармен хмыкнул:

— Не так уж и редко.

И добавил хмуро:

— Сегодня ты — третий.

— Открыли регулярную линию? — удивился Хенк.

— До этого еще не дошло, — вмешался в разговор щучьегубый. — Но на Симме не пусто. Вторую чашку бармен сегодня поднимал за меня.

— А первую?

— За патрульных.

Хенк не стал спрашивать, что делают на Симме сотрудники звездного Патруля.

Он не хотел терять время на патрульных. Он с удовольствием смотрел сквозь толстую, но прозрачную стену бара. Там, за невидимым колпаком силовой защиты, слабый ветерок лениво курчавил металлические заросли, гонял по земле ржавую спиральную стружку. Две-три звезды прокололи дикое пепельное небо Симмы. Голова бармена время от времени перекрывала свет звезд, это мешало Хенку, и он перебрался на другой табурет, ближе к щучьегубому.

Звездный перегонщик воспринял это как сигнал к сближению.

— Сегодня и завтра, — доверительно сообщил он, — в Аквариуме оберон с Оффиуха.

Хенк кивнул. Ему нравилась эта новая манера обращаться ко всем на «ты».

— Секреты пластики? — вспомнил он. — Я слышал об этом.

— Это следует видеть. — Щучьегубый переглянулся с барменом. — А видеть это можно только здесь, на Симме. Оффиухцы, они как бы вроде этих поганых протозид, их не сильно выманишь из Нетипичной зоны.

— Подыскивай сравнения! — возмутился бармен. — Протозид! — Он брезгливо поджал губы. — Думай, о чем говоришь. Протозиды убивают, а оффиухцы радуют. Есть разница, правда?

Он плеснул в свою чашку еще несколько капель титучая и выругался.

Хенк усмехнулся. Похоже, за время его отсутствия в Нетипичной зоне изменилось немного. Да и вряд ли могло измениться. Ненависть арианцев, цветочников, океана Бюрге к протозидам не могла рассеяться сама по себе, так что Хенк сейчас чувствовал себя гонцом, несущим добрую весть. Завтра утром он разберется в своих заметках, систематизированных для него Шу и вложенных в кристаллы памяти, и, возможно, в том же Аквариуме познакомит сотрудников Конечной станции с некоторыми из своих выводов.

Он поманил к себе бармена:

— Через Симму, наверное, прошло немало людей?

— С Земли? — не понял бармен.
— Главное, людей, — ухмыльнулся Хенк.
— Конечно, были такие.
— На складах Симмы, должно быть, попадаются занятные вещи, а?

— Да уж наверное. Мы ничего не выбрасываем.

И спросил:

— Тебя интересует что-то конкретное?

— Да, — кивнул Хенк.

— Твой счет надежен, — помолчав, кивнул бармен. — Говори.

Если на складе эта штука сыщется, она твоя.

И Хенк сказал:

— Шляпа.

Он ничего не добавил к просьбе. Он ничего не хотел объяснять.

Правда, никаких объяснений и не понадобилось. И бармен, и звездный перегонщик с плоскими щучьими губами уже разглядели шрам, вовсе не украшающий Хенка. Уже совсем другим, сочувствующим голосом бармен спросил:

— Где тебя так?

Он явно понял просьбу Хенка по-своему. Он явно решил, что шляпа нужна самому Хенку — прикрыть свой некрасивый шрам. А сочувствие прорезалось оттого, что до него наконец дошло: Хенк — человек. Оберон, пройдя сквозь Преобразователь, никогда не получит ни морщинки, ни бородавки, ни тем более шрама. Квазилюди всегда гармоничны. У них не бывает заметных уродств. Их тела всегда чисты.

— Где тебя так? — переспросил бармен.

— Сейчас не важно, — отмахнулся Хенк.

— Такой удар может отшибить не только память, — сочувственно кивнул бармен. — Как у тебя с памятью? Имя свое помнишь?

— Еще бы! — Хенк подмигнул бармену. — Я — Хенк.

— А я — Люке, — еще раз кивнул бармен. — Так меня и зови. Люке. Конечно, это не имя, но мне нравится, когда меня так называют.

— А я — Ханс, — протянул руку звездный перегонщик. — Настоящему Ханс, без всяких там этих оберонских штучек.

Хенк кивнул. Хенк был растроган.

Он подумал: «Шу повезло. Шу увидит шляпу».

Он долго не мог уснуть.

Сперва ему помешал диспетчер.

— Хенк, — спросил диспетчер по внутреннему инфору, — как нам отодвинуть твою «Лайман альфу»? Она мешает почтовикам.

— Проще простого, — ответил Хенк. — Свяжитесь с Шу, она все сделает.

— Шу? — удивился диспетчер. — Почему ты не зарегистрировал спутника?

— Шу — это бортовой компьютер, — терпеливо объяснил Хенк.

И потом опять долго не мог уснуть.

В детстве его мучило мерцание звезд.

Чудовищная непостижимость этого мерцания.

В юности он открыл комету. Через какое-то время ее хвост растянулся на полнеба, он был бледно-белым, но в долгих ночных снах виделся Хенку цветным. Хенка с детства удручала необходимость прятаться под покровом земной атмосферы. Он широко открывал глаза, будто это могло помочь увидеть самую дальнюю даль космоса. Он любил думать, что его дом не ограничен пределами Солнечной системы. В принципе, это было так. Окончив школу Поисковиков, Хенк сам стал выходить во Внутреннюю зону. К сожалению, никогда дальше. Зато дальше ходил его старший брат Роули — звездный разведчик. Хенк всегда завидовал разведчикам. Ему хотелось думать, что там, среди звезд, разведчики — его личное продолжение. Он не уставал следить за мерцанием звезд. Его всегда мучило: а что там, за горизонтом событий? Что там, в Крайнем секторе? Что там, в Нетипичной зоне, где укрывается недоступная для всех известных цивилизаций раса протозид, игнорирующая любую попытку контакта?

По материалам своего брата, звездного разведчика Роули, Хенк написал книгу.

Книга, посвященная Нетипичной зоне, сразу привлекла внимание специалистов. Бывшего пилота, а теперь космоисторика и космопалеофитолога Хенка пригласили в редакцию Всеобщей энциклопедии. Десять лет, проведенные в ее штате, принесли Хенку известность.

Лучший знаток первичников.

Разумная, но замкнутая на себя раса заполняла даже сны Хенка.

Иногда он видел даже такие сны, о содержании которых не мог рассказать ни брату, ни друзьям. Зато из нескольких специалистов Всеобщей энциклопедии, выразивших желание взять на себя дальний поиск, связанный с изучением протозид, предпочтение было отдано именно Хенку. Он подозревал, что какую-то роль в этом могла сыграть трагическая гибель его брата Роули — там, в глубинах Крайнего сектора. Подразумевалось, что будущие наблюдения Хенка внесут ясность в один из самых сложных отделов Всеобщей энциклопедии. Подразумевалось, что будущие наблюдения Хенка, как раньше наблюдения Роули, не только дополнят, но и перестроят весь этот отдел, все еще полный сумятицы.

Параллельно делам во Всеобщей энциклопедии Хенк читал в Высшей школе курс космической палеофитологии. Этот курс был определен им как «Века и растения». Из лекций Хенка его ученики выносили не просто понятие об эволюции тех или иных живых форм. Нет, они узнавали о расхождениях, оказавшихся роковыми для некоторых, теперь уже не существующих звездных цивилизаций, о тех поистине роковых узлах, с которых Разум, взрываясь, начинает строить вторую природу, отрываясь от своих естественных, предопределенных происхождением корней.

На Земле у Хенка было место, где он всегда чувствовал себя особенно хорошо.

Небольшой свайный домик, лесное озеро. За озером, как рыжие облака, осенью пылали лиственницы, не закрывая собой Енисей. Еще дальше голубели горы. Хенк водил учеников по своему саду, обращал внимание на тот или иной куст, на запахи, на цвет, присутствующий только определенному кусту. Он, Хенк, разбил самый северный сад роз, в котором белые шары древних, как сама история, Лун и благородные Галлики росли прямо на земляных грядках, а желтые и светлые дамасские розы, пережившие римскую историю и последующие пятьдесят веков, оставались столь же упругими и свежими, как во времена Цезарей. Хенк по-детски гордился зеленоватыми чайными розами, аромат которых и впрямь напоминал крепкий чайный букет, карамзиновыми Дюк де Монпасье, огненно-алыми Амулетами. Он любил бархатистые, с розовым ободком Кримсон Роули и всегда влажные, покрытые чудесными капельками нежной росы бутоны Арон Уор. Показывая свои розы, рассказывая о них, Хенк благоговейно поднимал глаза горé.

Ему нравилось, что звезды и розы схожи.

Иногда Хенк подводил своих учеников к невысокому бревенчатому забору, отделяющему сад от пасеки. Здесь, у грядок, над

которыми золотились Мадам Жюль Граверо, желтели буйные Маман Коте, лучились сквозь плотную кожистую листву блестящие, как бы покрытые восковым налетом, алые пернецианские, он непременно задерживался. Ведь там среди блеклых, как осень, Лидий и Сестер Калли, среди алых Гранд Гомбоджап белела привитая на простой шиповник самая обычная на вид парковая роза. Но над нею Хенк работал почти пятнадцать лет. Он не резал и не формировал куст, он просто помогал розе развиваться, разве лишь осенью снимал с веток листья, чтобы не привлекать к ним внимания прожорливых северных мышей. Он берег розу не от холодов, он берег ее от жесткого северного солнца. Отзываясь на раннее весеннее тепло, верхняя часть куста могла торопливо пойти в рост, тогда как корневая система еще не проснулась. Со всем остальным куст справлялся сам.

Ни разу за пятнадцать лет Хенк не видел на цветах выведенной им розы ни одной крапинки, ни одного цветного или бледного ободка. Она была чистой, как снег, и он с удовольствием выкашивал вокруг траву, даря розе покой. Он с удовольствием сидел рядом с нею, а когда, случалось, шел дождь, когда слезились темные окна, а листва берез обвисала страшно и сыро, он укрывал ее от дождя.

Розу он назвал именем брата Роули.

Он назвал ее именем звездного разведчика, трагически погибшего в районе катастрофического взрыва 5С 16 — космического объекта, долго вызывавшего недоумение астрофизиков. Хенк не уставал верить, что однажды слухи о гибели его брата непременно будут опровергнуты, как это пусть редко, но случается. Хенк не уставал верить, что Роули жив, что он все еще где-то там — в безднах космоса.

4

Он долго не мог уснуть.

Туп, как протозид. Темен, как протозид. Жесток, как протозид.

Он вспомнил брезгливую гримасу жилистого бармена Люке и холод, проглянувший во взгляде звездного перегонщика Ханса. Туп... Темен... Жесток... Арианцы, цветочки, океан Бюрге — все они, наверное, имели право так говорить, но почему это повторяют земляне?

Хенк улыбнулся.

Он разрушит стереотипы.

Протянув руку (в комнате было темно), он нашел на столе коробку с кристаллами памяти. Крошечный голопроектор тут же заработал — от тепла ладони.

Маршрут... Маяки... Физика Нетипичной зоны... Хенк удивился. Разве он не взял с собой кристалл «Протозиды»? Не вставая с постели, дотянулся до инфора:

— Как у тебя?

— У меня хорошо, — ответила Шу.

— Чем занята?

— Рассчитываю маршрут.

— Но этим занят Расчетчик Преобразователя.

— Ну да, я, конечно, ничего об этом не знала...

Хенк понял, что Шу обиделась, и быстро сказал:

— Я сам хотел попросить тебя продублировать работу Расчетчика.

Шу все сразу поняла.

И наконец спросила:

— Как у тебя?

Хенк вздохнул.

Он все еще помнил лица Люке и Ханса.

— Шу, — спросил он, — почему земляне не любят протозид?

— Их никто не любит. Они вне сообщества, Хенк.

— Ну да, — протянул он. — Истребители звезд.

— Не только. Они древние, Хенк. Они очень древние. — Голос Шу стал ровным. — Вспомни, как человек относится к тем, кто намного старше его по происхождению, — к мокрицам, к змеям, к членистоногим. А протозиды еще древнее, Хенк. Они очень древние.

Он кивнул.

— Хочешь спросить еще что-нибудь?

— Да. Кажется, я забыл на борту кристалл «Протозиды».

— Ты его не забыл, Хенк.

— Но его нет в коробке.

— Его действительно там нет.

— Почему?

Шу промолчала.

— Почему, Шу?

— Кристалл «Протозиды» подлежит просмотру лишь на Земле.

— С чего ты это взяла?

Шу не ответила. Но Хенк знал, что Шу ничего не делает просто так.

Он уважал мнение Шу. И еще он знал, что, сколько бы он сейчас ни спрашивал, она ничего ему не скажет. Еще какое-то время он молча смотрел на потемневший, вдруг отключившийся экран. Он был сбит с толку. Но все равно радость его не оставила: он на Симме!

5

А разбудил его стук.

Он не сразу сообразил, кто может стучать в его дверь на борту «Лайман альфы».

Ах да! Он на Симме!

Инфор наконец сообщил:

«К вам гости».

— Кто они? — Хенк не хотел вставать.

«Хотят объяснить сами».

— В любом случае им придется подождать.

— Прости, Хенк, у нас мало времени. — На вспыхнувшем экране появилось чье-то смуглое лицо, несомненно удрученное.

— Вы слышали мои слова? — удивился Хенк.

— Ты забыл отключить внешний инфор.

Хенк поднялся. Принимая душ, внимательно присматривался к гостям — он видел их на экране инфора. Два человека (или обертон), они вошли в комнату и остановились у окна, будто их интересовал вовсе не Хенк, а ржавый железный пейзаж дикой утренней Симмы.

— Садитесь.

Он вышел из душевой, затягивая пояс халата.

— Извини, Хенк, — сказал смуглолицый, видимо старший в группе.

У него были пронзительные, широко поставленные голубые глаза, и они действительно смотрели холодно и пронзительно. Все равно Хенку он понравился больше, чем его спутник — печальный красавчик, как бы равнодушный к происходящему. Этот печальный красавчик так и не отошел от окна, внимательно рассматривая поле. Голубые куртки обоих украшал отчетливый белый круг с молнией и звездой в центре — официальный знак звездного Патруля.

— Итак? — Хенк опустил в кресло.

Прашкевич Г.

П 70 Костры миров : романы, повести, рассказы / Геннадий Прашкевич. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 880 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-26865-4

Прашкевич, как кошка в рассказе Киплинга, — гуляет сам по себе. В этом его отличие от большинства отечественных фантастов. И не фантастов тоже. Борис Стругацкий верно определил человеческую и литературную сущность писателя: «Многообразен, многознающ, многоталантлив, многоопытен». Здесь на первом месте «многообразен». Это правильно. Писатель должен меняться. Вот говорят: занял нишу. Ниша для писателя значит смерть. Это место, где стоит его урна и куда читатели приносят ему траурные венки.

Прашкевич постоянно меняется. Это очень важное его качество. Как неусидчивость, любовь к путешествиям, пешеходству, перелетам с континента на континент, идущая от юности, от первых полевых опытов тяга познавать мир глазами, руками, кожей, долбать его геологическим молотком, вдыхать его ветер, соль, его дымы и туманы, и все не праздное, не для туристической галочки «Вася здесь был», все с пользой, все для будущей книги.

Сборник составлен из работ автора разных лет.

Тексты многих произведений, вошедших в книгу, представлены в новой авторской редакции и местами существенно отличаются по сравнению с прежними публикациями.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

ГЕННАДИЙ МАРТОВИЧ ПРАШКЕВИЧ
КОСТРЫ МИРОВ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Дмитрий Капитонов, Юлия Теплова, Ирина Киселева

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 14.10.2024.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 53,9. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-FFB-35864-01-R